

Мария Фомальгаут

*Клуб
«Вечное
перо»*

Мария Фомальгаут
Клуб «Вечное перо»

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Клуб «Вечное перо» / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

Дорогой читатель, в этом произведении я поведаю тебе о событиях невероятных и удивительных, произошедших в нашем славном заведении. История клуба «Вечное перо» поистине заслуживает восхищения, а гений несравненного Родуэлла выше всяких похвал.

Содержание

1	6
2	8
3	14
4	22
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Клуб «Вечное перо»

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Несмотря на то, что зима только-только вступала в свои права, за окнами уже вовсю бушевала метель, бросая в дрожащие стекла горсти колючего снега. На улице было так пасмурно, что в залах пришлось зажечь огни – не большие люстры под потолком, а изящные лампочки наподобие канделябров по углам комнат, а мне в этот день совершенно не работалось.

Гаддам неожиданно возник из-за угла, прямо у меня перед носом, словно вышел из параллельных миров, остановился передо мной, кутаясь в теплую куртку.

– Совершенно замерзаю, – как бы извиняясь, проронил он, – камин раскален добела, и все-таки я замерзаю.

– Я тоже, Гаддам. Сегодня за утро в голову не пришло ни одной мысли, должно быть, Он тоже мерзнет.

– Сомневаюсь, чтобы Он замерз, – с легким оттенком гордости произнес Гаддам, – кстати, Кендалл, я думаю, седло барашка в собственном соку и домашний пирог вернет вас к жизни. Позвольте пригласить вас к обеду, Кендалл. Все уже собрались.

В этот момент я и без него догадался, что обед начинается. Из зала слышались нежные, казалось, чуть простуженные, звуки скрипки и, чуть наклонив голову, я увидел Эллис Белл: она

зачарованно водила смычком по струнам. Я восхищался ею, и не только как писатель, даром, что считал себя убежденным холостяком.

Чуть поодаль от Элис замер в массивном кресле маленький щуплый Амассиан. Его встопоренные усы теперь бессильно висели, едва не касаясь уголков губ, отчего казалось, что Амассиан отдыхает от непосильного труда – я был уверен, что он один из всех нас сделал что-то за это утро и сделал немало. По другую сторону стола напротив Амассиана стояло пустое кресло, в котором покоился маленький портрет Родуэлла.

Я еще раз посмотрел в сторону обеденного зала в предвкушении обеда: не то чтобы я хотел есть – я вообще в данный момент не думал о еде, разве что о чашке крепкого кофе – просто обед всегда был для меня таинством нашего клуба. Обед сопровождался остроумными беседами, чтением набросков, а заканчивался тем, что мы благодарили миссис Брэккет и удалялись в кабинеты, откуда день-деньской слышалось стрекотание клавиш. В обеденном зале на нас нисходило вдохновение, должно быть, от него.

В такой холод Озарение было просто необходимо, чтобы продолжать работу, поэтому я ждал обеда с предвкушением не только домашнего уюта, но и единения всех нас под Его началом. Его присутствие ощущали не только мы, но и Элис, и миссис Брэккет, никогда не писавшие даже стихов.

– Кстати, – я еще раз посмотрел в зал, – Радова все еще нет.

– Вы правы, – кивнул Гаддам, – судя по всему, он у себя. Я хотел зайти за ним и за вами. Что если нам вместе пройти до его комнаты? Я вижу, вы устали сидеть, Кендалл.

Я согласился, и мы зашагали по коридору поместья. Гаддам сегодня показался мне разговорчивым не по погоде.

– Как ваш новый роман? – спросил я, – отнимает у вас все силы?

– Вчера работал до трех ночи.

– Устали?

– Кажется, Он устал, – почти шепотом произнес Гаддам.

– Трудно поверить.

– Но это так. А Радов все сочиняет какие-то дивные миры.

– Что же, мальчику только двадцать лет!

– При чем тут мальчик? Это все это Его заслуга.

– Да, несомненно. А вот и комната Радова. Эй, мистер! – я слегка постучал в дверь, которая тут же открылась от моего прикосновения.

– Пора обе... Радов? Радов?

– В чем дело? – недовольно спросил Гаддам.

Вместо ответа я сделал шаг в сторону, пропуская Гаддама в кабинет. Радов полулежал в кресле, запрокинув голову, а с его бледного виска стекала черная струйка, падала на ковер, впитывалась в подлокотник кресла. Я указал Гаддаму на пол: на ковре возле ботинка Радова лежал, словно забытый кем-то, маленький револьвер.

2

– Похоже на самоубийство, но это лишь предварительное заключение. Дверь в комнату была открыта? – спросил следователь.

– Да, но дверь в клуб была заперта, никто не мог войти с улицы. – я сказал это и испуганно осекся, как бы не стали подозревать кого-нибудь из нас.

– Дверь в клуб всегда заперта днем?

– Нет, только сегодня из-за сильных холодов.

– Да, холода действительно, сильные – согласился следователь, – чей кабинет находится возле комнаты Радова?

– Мой. Потом идет кабинет мистера Кендалла, а в соседнем крыле дома – комната мистера Гаддама и кухня, – ответил Амассиан.

– А мимо вашей двери никто не проходил?

– Около одиннадцати проходил мистер Гаддам. Больше я ничего не слышал, хотя...

– Мистер Гаддам шел в комнату Радова?

– Я зашел на минуту, чтобы отнести Радову рукопись, которую он дал мне вчера, – холодно ответил Гаддам.

– Это действительно так, – снова затараторил Амассиан, – насколько я помню, мистер Гаддам вышел почти сразу же. Честное слово, господин следователь, если вы подозреваете кого-нибудь из нас, то глубоко заблуждаетесь, потому что...

– Ни в коем случае, сэр, – следователь замотал головой, – только один вопрос, сэр: вы слышали выстрел?

– Нет, – глухо ответил Амассиан, – я ничего не слышал.

– У Радова был револьвер с глушителем, – вспомнил я, вступаясь за Амассиана, – поэтому выстрелов не слышал никто.

– Я проверю, – следователь застрочил что-то в протоколе, – как называется ваш клуб?

– «Вечное перо».

– Любопытно. Кстати, ваш клуб не похож на обычный клуб.

– Самый обычный клуб писателей, – как можно спокойнее ответил я.

– Любопытно. Весьма любопытно. Что же, джентльмены, возможно, я еще наведаюсь к вам, хотя в том, что произошло самоубийство, практически не возникает сомнений. Всего хорошего, господа!

– Неприятный человек, – прошептала миссис Брэккет, когда за следователем закрылась дверь.

Мы молчали, – появление следователя внесло в наш уютный клуб неприятный оттенок уличной суеты.

– Умник, – ответил Гаддам, – Кстати, а где мисс Бэлл?

– Бедняжка в комнатах, – сообщила миссис Брэккет, – ей стало дурно, когда выносили тело несчастного Радова. Бедненький, зачем он только сделал это?

– Знаете, что мне кажется, джентльмены, – Амассиан подошел к столу, – похоже, наш бедный Радов хотел повторить судьбу Родуэлла, который покончил с собой в сорок два года.

– Но Радову было всего двадцать лет, – возразил я.

– Безумие, – сказал Гаддам.

– И зачем люди стреляются, – продолжала вздыхать миссис Брэккет – тот же Родуэлл... зачем он сделал это? Жил бы еще, сколько бы написал...

– Это огромная потеря для человечества, – согласился Амассиан, – но у Родуэлла на это было немало причин, огромные долги, конфликты с коллегами, уход любимой жены... При жизни он не издал ни одного своего произведения!

– Неужели, – вырвалось у меня.

– Да, сейчас в это трудно поверить, – при жизни гений был никому не нужен, – с этими словами Амассиан вышел из зала.

Мы понимающе переглянулись: Амассиан фанатично почитал Родуэлла, почти обожествлял покойного писателя.

– Я до сих пор верить себе не могу, – сказал, наконец, Гаддам, – Радов был так молод...

– Что меня больше всего поражает, так это то, что он ничего не оставил, – кивнул я, – он так сентиментален... должна же быть какая-то предсмертная записка...

– Что вы имеете в виду? – неожиданно резко спросил Гаддам.

– Я думал, так делают все, – растерялся я.

– Отнюдь, – Гаддам отвернулся и вышел, мне показалось, что он прячет слезы.

В глубине комнаты миссис Брэккет со вздохом убрала со стола обед, к которому так никто и не прикоснулся.

Оказавшись у себя в окружении массивной мебели, напольных часов и неизменного портрета Родуэлла над камином, я даже не посмотрел на стол – в голову не лезло ни одной мысли, не стоило и пытаться писать. Сердце бешено колотилось, слезы подступали, горло сжалось резко и болезненно.

В памяти блестели озорные глаза и полные губы Радова, его быстрые, живые движения – он был, пожалуй, самым жизнерадостным из нас, не верилось, что его больше нет. Радов... веселый и бойкий Радов, кажется, так и не окончил свой последний рассказ...

Так получилось, что воспоминания о Радове растормошили в моем сознании образы еще более глубокой давности...

...В моих руках лежала книга, ненавистнее которой в эту минуту не было для меня ничего в целом огромном мире. Хотелось швырнуть её через всю комнату, но уважение к автору не позволяло мне сделать этого. Собственно говоря, я бы с радостью посидел бы часа два наедине с гениальным романом, но не сейчас. Ведь в этом-то самом романе я обнаружил нечто, убившее меня наповал.

Сегодня мне, начинающему писателю пришла в голову гениальная задумка для рассказа, – в тот же день рассказ был готов. Редкая удача: написать что-то стоящее, не забрасывая неоконченных рукописей на несколько месяцев или лет. Окрыленный успехом, я готов броситься в редакцию, но непонятный порыв заставил раскрыть восемнадцатый том моего любимого автора. Каково же было мое удивление, когда я почти сразу же обнаружил название, которое только что сам придумал для своего рассказа. Во рту у меня стало сухо, дрожащими руками я перелистал книжку и открыл нужную страницу. Прочитав последний абзац, я готов был рвать на себе волосы от досады. Нет, конечно же, я не повторил творение великого мастера слово в слово, но увы: моя чудесная идея, оказалась просто-напросто украденной у моего кумира. Я еще раз с тоской посмотрел на сиротливо лежащую на столе рукопись – что было делать?

Сердце мое не выдержало: я спрятал рукопись в чемодан, набросил легкую куртку, благо, на улице был сентябрь – и отправился в редакцию, мысленно извинившись перед любимым писателем.

Редактор еще раз недоверчиво посмотрел на чуть помятые листочки, неторопливо постукивал толстыми пальцами. Я выпрямился: сейчас должна была решиться моя судьба.

– Любопытно, весьма любопытно, мой дорогой Кендалл, да, очень, очень любопытно, мой дорогой Кендалл. Пожалуй, мы это напечатаем, да, это, пожалуй, можно и напечатать.

В моей памяти всплыла роковая книжица, и я решил быть честным до конца.

– Видите ли, – я осторожно кашлянул – это не совсем моя идея...

– А рассказ Гарольда Родуэлла, копия вашего, называется так же? – редактор хлопнул ладонью по моей рукописи.

Я опешил. Мне показалось, что я сплю и вижу сны.

– Как? ... Сэр, но откуда... вы это знаете?

Редактор добродушно улыбнулся.

– Ах, видите ли, Кендалл, да вы, наверное, и сами видите, Кендалл, в чем тут дело: что если нам сейчас взять любую новую книгу да, попробовать взять любую книгу, рассказ какой-нибудь или роман ваших коллег, учителей – чей угодно роман, набраться терпения, пересмотреть многотомное творчество Родуэлла, набравшись терпения – и, клянусь вам, Кендалл, что рано или поздно мы найдем точь-в-точь такое же произведение, или чем-то похожее, или ту же идею, ту же шутку, точно такого же персонажа, точно такого же, да, Кендалл.

– Так что же... это плагиат? Все это – краснея, я обвел рукой многочисленные тетради и папки – плагиат, заимствованный у Родуэлла?

– Ни в коем случае, Кендалл, даже не подумайте, что это плагиат, Кендалл, ни в коем случае. Эти все бедолаги – он ласково похлопал пухлой ладонью по рукописям – и в глаза не видели подобных произведений нашего великого Гарольда, во всяком случае, не видели их всех, не видели, не могли, просто физически не могли прочитать все триста тринадцать томов гениального нашего Родуэлла, но только лишь небольшую их часть... – редактор откинулся

в кресле, то закрывая, то открывая ручку – тяжелую украшенную золотом. – Поэтому нельзя ставить им в вину этот якобы плагиат, ни в коем случае нельзя. Вспомните историю нашей литературы, Кендалл, нашей мировой литературы: Колкие и необычайно примитивные рассказы, сказки, народное творчество, покрытое пеплом столетий, древние легенды, малопонятные нам, и штампованные, стандартные романы, накатанные по одному и тому же шаблону... И вдруг появляется в семье Родуэллов безвестный мальчик Гарольд, Гарольд, с двух лет начавший сочинять сказки, а в пять лет взявшийся за перо – он написал истории, которые казались людям поначалу просто забавными, но в какой-то момент литераторы – да что литераторы! – простые читатели осознали ясно как день, что его, Гарольда произведения просто-напросто гениальны, не имевшие никаких прототипов до него – люди читали, изумляясь, насколько просто и очевидно то, о чем пишет Родуэлл, и как странно то, что никто до него не додумался до таких оригинальных идей. За свою короткую жизнь он написал больше, чем кто бы то ни было... – редактор нахмурился и снял очки. Негромко стучали часы над головой.

– После смерти Родуэлла мир увидел немало новых хороших книг, поговаривали о том, что Родуэлл «расшевелил» нашу литературу, подал прекрасный стимул для развития многих жанров, но, увы, это было не так: читая и перечитывая книги несравненного Гарольда, читатели и злополучные писатели понимали, что все – вы понимаете, дорогой мой Кендалл – все, написанное после Родуэлла есть лишь жалкое подражание, передергивание одних и тех же сюжетов, идей, характеров и задумок одного-единственного писателя: я думаю, даже не стоит называть вам его имя... Теперь вы понимаете, Кендалл, что я вовсе не осуждаю вас и не подозреваю в плагиате – после Родуэлла плагиатом занимаются все, потому что Родуэлл написал все – вы понимаете – все книги на земле!

Я сидел, не двигаясь, совершенно ошарашенный.

– Этого не может быть, – сказал, наконец, я, – не может быть, чтобы один человек, даже такой умный и образованный, как Родуэлл, написал все книги на свете.

– И, тем не менее это так, Кендалл.

– И что же... оригинальных книг больше нет?

– Ну, я знаю одного, который приносит оригинальные романы. Гаддам... Слышали?

– Да, я слышал это имя. Но, к сожалению, еще не читал.

– Рекомендую. Можете и пообщаться с ним – он часто бывает здесь. Но знаете, что самое удивительное, мистер Кендалл?

– Что?

– Странные притязания Гаддама: он пожелал, чтобы романы печатались под псевдонимом.

– Что же, это вполне естественно.

– Да, несомненно, несомненно, но какое имя он выбрал себе для подписи своих книг, какое сочетание!

– И какое же?

– Гарольд Родуэлл.

Наступило молчание.

В тишине, казалось, даже часы приумолкли: в этот момент и на пороге показался худощавый, человек: его вытянутое лицо и квадратный подбородок не внушали доверия, вообще весь он казался совершенно механическим, точно искусно сделанным роботом, только издали похожим на человека.

– Добрый день, джентльмены, – кивнул он, раскрыл черный потертый чемодан и выложил на стол рукопись: в ней было страниц триста, не меньше.

– Благодарю, мистер Гаддам, – редактор чуть поклонился, – я несомненно ознакомлюсь с вашим романом, несомненно – приходите в четверг, поговорим, поговорим в четверг.

Писатель хотел уже было направиться к двери, но я окликнул его.

– Имею честь видеть мистера Гаддама?

– Да, сэръ.

– Много слышал о вас... Не имел чести читать ваши романы...

Гаддам молчал.

– Позвольте еще один вопрос...

– Пожалуйста.

– Отчего вы подписываетесь именем Гарольда Родуэлла?

– Вы репортер?

– Нет, сэръ. Но все же?

– Не могу ответить вам на этот вопрос, сэръ. Прихоть писателя, – совершенно механически ответил он.

– Позвольте автограф, сэръ.

Гаддам вынул из своего портфеля довольно толстую книжку, размашисто расписался на первой странице и вручил мне.

– Не знаю, как и благодарить вас, сэръ... – я с интересом посмотрел на тонкого узкоглазого пришельца на обложке.

– Когда увижу вашу книгу, непременно куплю, и вы тоже дадите мне автограф, – кивнул он, – мистер...

– Кендалл.

– Очень приятно. Всего хорошего, мистер Кендалл – он крепко пожал мне руку и вышел за дверь.

Сердце мое бешено билось, я был изумлен, и все же чувствовал, что чудеса на этом не закончились. Я вышел на улицу и осторожно последовал за Гаддамом, сам не знаю зачем, прижимаясь к выступам домов, прячась от его сурового взгляда, но не теряя его из виду. Я спрашивал себя, что я делаю – и не находил ответа. Гаддам шел быстрыми шагами, полы его длинного пальто, наброшенного поверх пиджака, развевались по ветру. Я шел за ним по мало-знакомому городу (я недавно перебрался в Таймбург), забыв об опасности заблудиться: что-то притягивало меня к этому странному человеку. Не помню, сколько прошло времени: казалось, что время остановилось, наконец, странное преследование закончилось так же быстро, как и началось: Гаддам вошел в небольшой двухэтажный особняк на углу улицы и захлопнул дверь. Сперва я решил, что Гаддам пришел домой, но тут же я увидел вывеску над дверью.

Клуб «Вечное перо».

Я понял, что вижу перед собой литературный клуб. Сквозь пелену листопада в причудливых очертаниях старинного дома, изогнутой крыши и полукруглых окон, я заметил еще одну табличку, побитую временем. Словно молния ударила передо мной посреди холодного осеннего дождя. Надпись лаконично гласила:

В этом доме
в 1879 – 1910 годах
жил и работал
Гарольд Родуэлл.

«А я и не знал, что он жил в Таймбурге – подумалось мне – боже мой, как тесен этот мир...»

Тут мне вспомнилось еще кое-что: я вытащил подаренную Гаддамом книгу, посмотрел на первую страницу. Это было уже слишком: подпись автора была размашистой, неразборчи-

вой, ее быстро размыло дождем, но это не помешало мне прочитать в извилистых каракулях:
«Г. Родуэлл».

3

На двери клуба не было ни звонка, ни колокольчика, на мой стук никто не отозвался. Проще всего было уйти – но я не нашел ничего лучше, чем войти самому без приглашения. Осознание того, что где-то в глубинах этого дома затаились писатели, придавало мне силы.

В просторной прихожей было почти пусто, если не считать нескольких вешалок по углам, большого зеркала-трюмо у противоположной стены, над которым висели большие старинные часы, как я догадался – с кукушкой. Вообще, вся обстановка гостиной навевала мысли о старине, и даже седая женщина в углу, в плетеном кресле была одета в старомодное платье и чепец.

Я уже подумал было, не музей ли это, а когда пожилая женщина подняла голову от вязания и посмотрела на меня сквозь очки, мне стало не по себе. Но отступить было поздно.

– Мистер Гаддам здесь? – осведомился я, сам не знаю, зачем.

– Мистер Гаддам? Должно быть он в большой зале налево по коридору, хотя кто же его знает? Посмотрите, голубчик, может там, а я и не знаю, где он.

В большом зале Гаддама, не оказалось: в окружении старинной мебели я увидел там фотографию Родуэлла в золотой рамке, и несколько изящных кресел, в которых сидели двое: человек в черном костюмчике и чуть полноватый парень в клетчатом пиджаке. Человек сидел возле стола, заваленного фотографиями. Там же на столе возвышалось блюдо с пончиками, один из которых энергично и сосредоточенно жевал человек за столом.

– Радов, вы попробуйте: очень вкусно, рекомендую...

– Мистер Амассиан, какие мне пончики, я сам как пончик! – весело отмахнулся юноша и снова наклонился над толстой тетрадью, явно что-то припоминая или стараясь придумать.

– Напрасно, очень напрасно, – покачал головой Амассиан, – а Родуэлл, кстати говоря, очень любил пончики.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво покосился Радов.

– С миру по нитке, Радов, я всю жизнь собираю эти факты по мелочам. Например, наш неповторимый Гарольд любил пить кофе перед сном...

– К чему все эти сведения?! – Радов вскинул голову, – для чего вы интересуетесь каждой мелочью в жизни Родуэлла?

– Причина этому – не только мое почтение к великому писателю, – Амассиан прищурился, глядя на очередную фотографию, – трудно будет тебе объяснить, мой мальчик.

Радов недовольно посмотрел на художавого Родуэлла в золотой рамке, захлопнул тетрадь и вышел из зала. Я подошел к столу и глянул на фотографии: все до одной изображали Родуэлла. Наконец, заметив меня, Амассиан выпрямился и посмотрел мне в глаза.

– Одно и то же? – спросил я.

– В том-то и дело, что нет, сэр. Взгляните – он ткнул пальцем в две карточки, лежащие рядом на столе – ничего общего!

– Вы правы, – согласился я – но эти снимки были сделаны в разные годы: здесь он молодой, а это фото сделано в сорок лет.

– Увы, даже на снимках одного и того же года, месяца, а порой и дня он совершенно разный. Каким же он, в конце концов, был на самом деле? Наверное, в жизни он тоже был все время разным... Но я не знал его при жизни.

– Еще бы... – я пожал плечами – он умер много лет назад, и... Осторожнее!

Амассиан отдернул руку, но было уже поздно: пламя свечи перекинулось на фотографию и затрещало, пожирая драгоценную карточку. Амассиан невозмутимо прижал пламя пальцами, и с нескрываемой досадой посмотрел на испорченный снимок. Сухие желтоватые пальцы человека покрылись красными пятнами.

– Вам не больно? – осторожно спросил я.

– Теперь больно, – признался Амассиан, потирая пальцы – но я не придаю этому значения, ни в коем случае: снимки дороже... А вы что же – он пристально посмотрел на меня – новый член нашего клуба?

– Нет. Но я писатель.

– Один из тех, кто пишет по мотивам творчества Родуэлла, не так ли?

Я с легким стыдом кивнул.

– Кто вам сказал о нашем клубе? Радов?

– Нет. Гаддам.

– Гаддам? – Амассиан вскочил с места, продолжая трясти обожженной рукой, – но этого просто не может быть, вы что-то напутали, сэр!

– Если сказать честно, я познакомился с Гаддамом в редакции «Ньюбук-пресс», а сегодня видел, как он заходил в «Вечное перо». Меня заинтересовал ваш клуб.

– Вот это уже больше похоже на истину, – Амассиан снова сел в кресло, – и что же, вы хотите вступить в нашу компанию?

– Насколько я понял по вашей реакции, это закрытый клуб.

– Отнюдь, сэр. Чем больше, тем лучше. Но мы принимаем далеко не всех. Он сам решает, нужен ему человек, или нет.

– Кто «Он»? – не понял я.

К моему удивлению, Амассиан сделал вид, что не услышал.

– Я вижу перед собой поклонника Гарольда Родуэлла? – спросил он.

– Да, – искренне признался я.

– Итак, сэр, – он в третий раз пронзил меня взглядом, – вы собираетесь вступить в наш клуб?

Ошарашенный, я хотел было ответить, что зашел сюда случайно, но отступить было поздно. Я спросил:

– Вы можете научить меня писать вещи, не похожие на творения Родуэлла?

– Нет, не можем, – спокойно ответил Амассиан, – потому что сами таких не пишем, не знаем, как это делается.

– Как же так? Но Гаддам...

– Опять Гаддам? Неужели Гаддам признался вам, сэр, что пишет новые книги?

– Да, и даже подарил мне экземпляр одного из своих романов.

– Не может быть, – Амассиан побледнел, – покажите мне эту книжку.

Я протянул ему злополучный роман... Амассиан взглянул на обложку и разразился глухим смехом.

– Гаддам... Как же вы могли, мистер Гаддам... И что же, – Амассиан внезапно повернулся ко мне и схватил меня за рукав – Гаддам сам сказал вам, что написал эту книгу? Так это было?

– Не совсем так. Об этом мне сказал редактор «Нью-бук пресс».

– А, так это же совсем другое дело! – облегченно улыбнулся Амассиан, – Ну и напугали же вы меня, сэр, – он красивым жестом вернул мне книгу.

– Но в чем тут дело? – не выдержал я, – в чем вы подозревали мистера Гаддама?

На этот раз мой вопрос прозвучал так, что нельзя было не ответить.

– Почему Гаддам настаивал, чтобы его произведения подписывали не иначе как от имени Родуэлла? – продолжал я – И как вы объясните мне это, сударь? – я раскрыл подаренную мне книжку и показал столь изумившую меня подпись.

Амассиан кашлянул и попятился.

– Что же, сэр, я вам уже достаточно проболтался, чтобы что-то отрицать, – он жестом предложил мне сесть, – думаю, что вы умеете хранить тайны.

Я молча кивнул и приготовился слушать.

– Вам наверняка известно, что Родуэлл умер внезапно.

– Самоубийство в сорок два года, – кивнул я.

– Верно. После него осталось немало неоконченных рукописей, набросков, планов, которые так и не превратились в романы.

– И что же?

– Теперь, я думаю, вы и сами догадываетесь о миссии нашего клуба, сэр. Собирая по крупицам, по каплям, по страничкам наследие Родуэлла, мы пытаемся воссоздать его творческие замыслы, довершить начатое им, сделать то, что не успел сделать он. Теперь вы понимаете, сэр, почему мы держим это в тайне, – пристальный взгляд его темных глаз стал как будто мягче, словно просил о чем-то, – вы хотите работать с нами, сэр?

– Рано или поздно идеи, оставленные Родуэллом, закончатся, – заметил я.

– Дорогой сэр, позади меня за дверью зал, вдвое больше этого, заполненный стеллажами с идеями, – вы понимаете, с одними идеями покойного писателя и, по-моему, они кончатся нескоро.

– Интересно, как бы сам Родуэлл отнесся к использованию своих замыслов.

– Он же сам говорил... что не будет против этого, – тон Амассиана показался мне подозрительным, – в своих записях он говорил об этом. Итак, вы согласны сотрудничать с нами, сэр?

Такая настойчивость меня удивила: собственно говоря я и вступил в клуб «Вечное перо» только благодаря странному убеждению Амассиана, что я непременно должен стать членом этого клуба. Впрочем, была и еще одна, более важная причина, о которой я скажу позднее.

– Вы сказали, что в ваш клуб берете не всех.

– Да, это так. Требуется проверка, как минимум двойная проверка.

– Вы будете проверять меня?

– Вы хотите сделать это прямо сейчас?

– Да, если возможно.

– У вас есть время? Вы никуда не торопитесь, сэр?

– Нет.

– В таком случае, сейчас мы узнаем, сэр, достойны ли вы нашего клуба. Прямо сейчас... Только ничего не бойтесь, сэр, прошу вас, ничего не бойтесь: быть может вам захочется позвать на помощь – умоляю вас, не делайте этого...

Я насторожился: все это казалось мне слишком подозрительным. Тем временем Амассиан замолчал и закрыл глаза.

Мне показалось, что он задремал: дыхание его стало ровным, глубоким, все время скрюченные пальцы разжались. Я смотрел на него и видел, как он постепенно бледнел, словно таял, но это не была обычная бледность встревоженного Амассиана: лицо его приобрело странный синеватый оттенок, на висках выступила испарина: я видел, как обозначились совершенно синие вены на его щеках, весь он, до страшного белый, казалось, светился изнутри: дыхания больше не было слышно, следы от недавних ожогов на пальцах покраснели еще сильнее, мне казалось, что на них проступила кровь. Мне стало не по себе и, замирая от страха на каждом шагу, я приблизился к сидящему в кресле; пересилив себя, прикоснулся к его щеке и тут же испуганно отдернул руку: мне показалось, что я положил ладонь в снег.

– Так, так, – внезапно громко и медленно заговорил Амассиан ледяным голосом, – принять... принять... будет исполнено...

Он открыл глаза и повернулся ко мне. Лицо его постепенно темнело, приобретая свой обычный цвет.

– Кто вы такой? – спросил он, шевеля замерзшими губами. Я заметил, что на волосах у него застыли кристаллики льда.

– Мы только что говорили с вами, – осторожно напомнил я.

– Да, я помню об этом, – кивнул он, – я имею в виду ваше имя.

– Кендалл.

– Очень приятно. Вы можете остаться здесь на ночь?

– То есть, ночевать здесь?

– Не ночевать, а именно остаться здесь на ночь, остаться, чтобы работать, чтобы показать, на что вы, собственно говоря, годны.

– То есть, написать что-нибудь?

– Именно так. У вас есть свежие идеи?

– Если подумать, то например, – я вспомнил историю, придуманную неделю назад, – как вам понравится война во времени? Временная петля, столкновение эпох, империя Карла Великого против межпланетного объединения двадцать восьмого века...

– Отлично: вы точь-в-точь повторили сюжет, набросанный Родуэллом, когда ему было двадцать один год. Для начала неплохо. Пишите! – он потянулся к звонку возле шкафа и позвонил трижды – Бесс!

При виде звонка, я вздрогнул: если бы я увидел его чуть раньше, то наверняка позвал бы на помощь, когда Амассиан так неожиданно замолчал и застыл в кресле. Тонкая девушка возникла на пороге, устремилась ко мне, встряхивая серебристым водопадом светлых волос, обняла меня за плечи и прошептала, чуть склонив голову:

– Пойдемте, сэр.

Смущенный, я все-таки последовал за ней по коридору. Дом, пропитанный стариной, был наполнен предметами древними, которые, казалось, держал в руках еще сам Родуэлл: то изящная фарфоровая статуэтка на каминной полке, то чугунное изваяние в углу, то перо и чернильница где-нибудь на столике, то старинная лампа, для чего-то выставленная на окно. Девушка шла быстро, не оборачиваясь, и только когда я на мгновение остановился, чтобы рассмотреть поближе тяжелые каминные часы на мраморной основе, моя спутница обернулась и предупредительно посмотрела на меня.

– Будьте осторожны, сэр. Это вещи Родуэлла.

– Это музей?

– Гхм... Считайте, что да.

– Прошу вас, сэр, – Бесс открыла передо мной дверь небольшого кабинета, – здесь вам будет удобно.

– Благодарю, мисс. Вы – писательница?

– Что вы, у меня совсем нет таланта. Я даже не пытаюсь писать.

– Тогда что же не... – я замолчал, подбирая слова.

– Вы хотите спросить, что же в таком случае я делаю здесь?

– Да, мисс.

– Гхм... Вы можете считать меня чем-то вроде секретарши, а еще я неплохо играю на скрипке.

Я почувствовал фальшь. Тревога, затаившаяся было в глубине сознания, проклюнулась снова.

– Сказать вам больше? – спросила она.

– Если возможно.

– Я не писатель. Я влюблена в писателя.

– В Гаддама или Радова?

– Что вы, сэр. В Гарольда Родуэлла.

Я остался один. Несмотря на мой замысел и располагающую к творчеству обстановку комнаты, мне отчего-то не писалось. Причиной тому был отнюдь не поздний час – я нередко работал по ночам – и не впечатление от клуба. Мне казалось, что кроме меня здесь еще кто-то, чей-то внимательный взгляд ловит каждое мое движение. Я поднял голову и встретился взглядом с портретом Родуэлла над столом. Я улыбнулся и – сам не знаю отчего – слегка поклонился ему. Мне показалось, что губы человека на портрете чуть дрогнули, глаза вспыхнули необычайно живо, по-человечески. Я прошел через всю комнату к портрету, сел за стол и начал писать согласно своему замыслу: передо мной сами собой всплывали новые, никогда не приходившие мне в голову штрихи и эпизоды; точно кто-то подсказывал мне их и водил моей рукой по бумаге. Писалось необычайно легко, и впоследствии перечитывая написанное, я просто не мог поверить, что написал это сам, так не похоже это было на все, когда-либо придуманное мною – строки ложились на бумагу сами собой...

... Только когда блики рассвета заглушили уютный абажур, ставший для меня в эту ночь путеводной звездой в литературных скитаниях, я поднял голову от стола. Видел ли я сны, или так и не отрывал ручки от тетрадных страниц – оставалось для меня тайной. Часы показывали половину восьмого: перелистав страницы, я обнаружил, что написал за ночь более ста пятидесяти листов. Звонок, висящий у двери, навел меня на мысль вызвать кого-нибудь, чтобы узнать, что мне делать дальше. Но не успел я протянуть к звонку руку, как в комнату вошла Бесс.

– Сколько вы написали, сэр? – холодно спросила она.

– Полторы сотни листов, – я указал на стопку бумаги.

– Скорее всего, вы будете приняты, – ее взгляд потеплел, – вы устали, сэр?

– Смертельно устал, – признался я, – мне кажется, я проработал всю ночь.

– Вполне возможно, – она легким жестом подхватила со стола рукопись, – мы вечером сообщим вам, достойны ли вы быть членом «Вечного пера».

– Я... могу идти домой?

– Да, отдохните, мистер Кендалл.

Я ожидал, что Бесс проводит меня, но она села в кресло и принялась листать мои записи, словно позабыв о моем существовании. Простившись с нею (она лишь молча кивнула), я вышел в коридор, и так как за ночь совершенно позабыл путь к выходу, то свернул в тупик, в глубине которого светлела дверь, закрашенная под цвет стен. Почти тотчас же осознав свою ошибку, я хотел было повернуться назад, но что-то заставило меня остановиться. Мне показалось, что я вижу сон: в тупике мелькнула сухопарая фигура человека, чей портрет я только что видел на стене. Минуту-другую мы пристально смотрели друг на друга, я стоял от него так близко, что слышал его чуть различимое дыхание: затем он улыбнулся и протянул руку.

Не успел я пошевелиться, как перед глазами у меня заплясали золотые мушки, в ушах зазвенело, и легкая дымка заволокла мой взор. Я встряхнулся и протер глаза. Ниша возле двери была пуста, но я, тем не менее, был абсолютно уверен, что мгновение назад я видел его. Не мог же он выйти за дверь? Я даже подошел к двери и дернул за ручку: дверь не открывалась, причем, не открывалась именно так, как не открываются давно закрытые, заколоченные двери.

– Выход в другой стороне, мистер, – послышался из кабинета недовольный голос Бесс. Мне ничего не оставалось, кроме как развернуться, полагая, что увиденное мною было лишь следствием бессонной ночи и взвинченных нервов.

Холод осени развеял усталость, а вместе с нею и мысли – идя домой, я не только не мог придумать ничего нового, но и вовсе вспомнить, о чем только что писал. Это было тем более странно, что обычно я подолгу не мог стереть из памяти то, над чем только что работал, и с немалым трудом заглушал в сознании зов неоконченного романа. Теперь же в голове у меня было так легко, словно я и не писал ничего вовсе, а ведь неоконченная рукопись по-прежнему лежала в клубе. Признав виной тому усталость, я постарался расслабиться.

Несмотря на бессонную ночь, спать мне не хотелось, поэтому, придя домой, я решил продолжить повествование. Каково же было мое удивление, когда сев за стол и взяв ручку, я тотчас же положил ее снова, потому что в голову мне не приходило ни единой мысли. Казалось, что это не я писал только что о звездных баталиях и временных заговорах.

Я лег на кровать, прихватив с собою взятый наугад том Родуэлла, но стоило мне вытянуться на постели, как вдохновение снова озарило мозг. Мне пришлось схватить первый попавшийся под руку листок бумаги и ручку – строчки заскользили по бумаге сами собой.

Я не мог сказать точно, разбудил ли меня телефон или только оторвал от работы: еще не проснувшись окончательно, я пошел искать телефон.

– Мистер Кендалл? – голос в трубке показался мне знакомым.

– Да, я к вашим услугам.

– Мы просмотрели вашу рукопись, и объявляем вам наше решение: клуб «Вечное перо» соглашается сотрудничать с вами.

– Гаддам? Так это вы? – от восторга у меня перехватило дыхание.

– Вы не узнали меня, сэр? – в свою очередь обиделась трубка.

– Прошу прощения... право же, мне неловко.

– Итак: я не разбудил вас?

– Ни в коем случае, мистер Гаддам.

– Что же, в таком случае мы рады будем видеть вас сегодня в нашем клубе.

– Сегодня? – я почувствовал, как пол проваливается под ногами.

– Да, прямо сейчас, сэр.

Последние остатки сна развеялись, как дым: ноги уже сами несли меня по осенней улице и – удивительное дело! – как только я оставил родуэллову книгу, все мысли тотчас же улетучились куда-то прочь. Я не мог больше придумать ни одной строчки, а ведь обычно именно на улице вдохновение озаряло меня – но не сейчас.

Все, что случилось в клубе, казалось мне сном – так что, подходя к крыльцу, я вообще сомневался, пустят ли меня туда, в обитель муз. Однако же, как только я вошел в прихожую, как меня подхватил под руку Радов и потащил в зал. Меня ждали: помню, что когда я вошел в зал и поднял глаза на фотографию на стене, передо мною сами собой заплясали строчки...

– Мистер Кендалл? – Амассиан с тревогой посмотрел на меня.

– Вы готовы, мистер Кендалл? – спросил Гаддам.

– К чему? – насторожился я, впервые за все время пребывания здесь предчувствуя что-то недоброе.

– Все в порядке, – расторопный Радов подтолкнул меня к креслу, – он готов.

Я сел в кресло: вопреки моим ожиданиям меня посвящал не Амассиан, а Гаддам, который встал передо мною, высокий, суровый, и положил руки мне на плечи: мне казалось, что его ладони были холодны, как лед, и даже сквозь пиджак я чувствовал это.

– Повторяйте, – нетерпеливо шепнул он мне, – я, Джеймс Дэвид Кендалл...

– Я, Джеймс Дэвид Кендалл... – начал я.

– Готов продолжать дело моего предшественника...

– Готов продолжать дело моего предшественника...

– Продлевая его великое наследие...

– Продлевая его великое наследие...

– И творить во славу Гарольда Родуэлла!

Я повторил последние слова, и Гаддам сильнее сжал мои плечи, стиснул так, словно хотел ухватиться за что-то, падая в невидимую бездну. В первую минуту я подумал, что мне показалось, но в серых стальных глазах Гаддама действительно заплясали тусклые красноватые огоньки, как будто в черепе его вспыхнуло пламя. Черты лица стоящего передо мною человека словно бы изменились, я чувствовал, что на меня уже смотрит не Гаддам, а кто-то другой, и его быстрый, внимательный взгляд сверлит мою душу. Краем глаза я заметил, как сидящий поодаль Радов резко побледнел и спрятал голову в ладонях, словно не хотел видеть того, что произойдет со мною.

А со мною и вправду происходило что-то странное: я чувствовал, КОНТАКТ с чем-то находящимся здесь же вне меня, вокруг меня, внутри меня. Голос Гаддама... Впрочем, это был уже не его голос, это говорил уже совершенно другой человек.

– Пусть вы будете... помощником Родуэлла, – и он совершенно непринужденно добавил слова, явно не относящиеся к ритуалу, – из вас выйдет неплохой писатель.

Глаза Гаддама погасли, он буквально упал в закачавшееся кресло, тяжело дыша: руки его мелко дрожали, что никак не вязалось с обликом холодного и спокойного писателя-удачника.

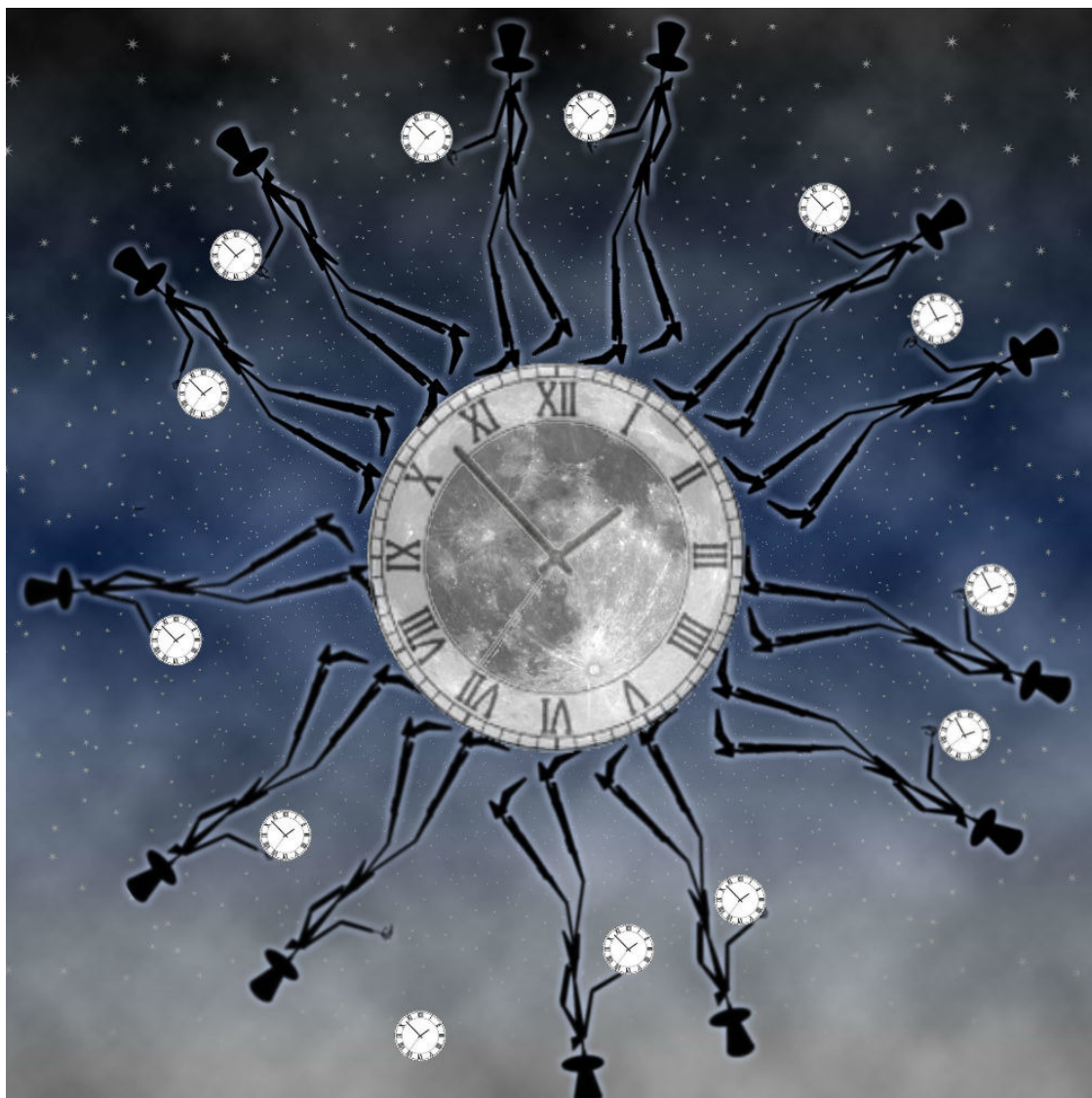
– Вот и все, – заключил Амассиан, глядя, как Радов наконец-то отталкивает руки от лица, – поздравляю вас, мистер Кендалл.

Он приблизился к огромному столу и, чиркнув спичкой, зажег свечи. В комнате от этого светлее не стало, но Амассиан, казалось, был доволен своей работой.

– Не проще ли зажечь свет? – спросил я осторожно, – или того требует традиция?

– Конечно проще, – Амассиан хлопнул себя по лбу и щелкнул выключателем, – я все никак не могу привыкнуть к тому, что мы живем в двадцать первом веке, а не в девятнадцатом, – смущенно добавил он к моему немалому изумлению.

4

– Господа, я хочу сделать заявление, – Радов внезапно поднялся с места.

Я отложил вилку и приготовился слушать; уж если было кому делать заявление в конце обеда, когда все новые замыслы были рассказаны, очередная лекция Амассиана о вкусах Родуэлла была прочитана, и жаркое съедено – так это Радову. Да, за три месяца я успел изучить все повадки Радова, впрочем, не одного только Радова: своих товарищей по клубу я буквально видел насквозь.

Что делал в литературном клубе Амассиан, для меня оставалось загадкой. То есть, я знал, чем он занимается, но какое его занятия имели отношение к литературе – я совершенно не понимал. Основным занятием Амассиана была его любимая биохимия, профессия и призвание, хотя в последний месяц я начал замечать за ним еще и увлечение генетикой. Кабинет Амассиана мало-помалу превратился в химическую или я бы даже сказал, алхимическую лабораторию, в глубинах которой он просиживал с утра до ночи, занимаясь вещами, мне, литератору, совершенно непонятными. Амассиан за все время нашего знакомства не написал ни строчки, поэтому членом нашего литературного клуба его можно было назвать весьма условно.

Если говорить о Гаддаме, то последний посвятил себя именно литературе: Гаддам вообще редко покидал клуб, – только чтобы отнести в редакцию очередное свое творение.

Радов был полной противоположностью Гаддаму: веселый и энергичный. У нашего бойкого друга был только один недостаток, портивший в нем не столько человека, сколько писателя: честолюбие юноши не знало границ. Его страстное желание стать великим писателем пугало меня не на шутку.

Что же касается меня... Если честно, то все это время я пребывал словно во сне. Ходил в клуб как на работу (немаленькие гонорары позволяли больше не беспокоиться о зарплате) и трудился не покладая рук допоздна с перерывом на обед, а иногда и всю ночь. Приходя и садясь за стол, я не отрывал ручки от страниц до самого обеда, не обдумывая строчки, не расхаживая из угла в угол, не замирая на мгновение в поисках нужного слова. Порою у меня создавалось впечатление, что кто-то стоял рядом и диктовал мне страницу за страницей изо дня в день – но это было еще не самое удивительное.

Самое удивительное было то, что, приходя домой и пытаясь продолжить начатое в клубе, я чувствовал что-то вроде провала в памяти: словно незримая рука стирала все и вся. Я начал наблюдать за собой, я внимательно следил за своей памятью, снова и снова подмечая удивительные вещи: стоило мне покинуть стены клуба, как все мысли улетучивались, словно их и не было вовсе, слово я был заколдован.

Радов окинул взглядом сидящих – и произнес громко и четко:

– Господа, я выхожу из клуба.

Впрочем, я не мог не заметить, что несмотря на всю свою четкость голос Радова чуть дрожал. Мы молчали, не зная, что ему ответить. В те времена я вообще ошибочно полагал, что уход из клуба – личное дело каждого, поэтому не считал нужным что-то возражать Радову, хотя расставаться с веселым парнем мне не хотелось.

Первым заговорил Гаддам.

– Радов, у вас претензии к кому-то из членов нашего клуба? – спросил он.

– Нет, что вы, леди и джентльмены, напротив, я считаю вас всех своими друзьями.

– Вас не устраивают наши гонорары, и вы нашли себе более достойную работу?

– Нет-нет, мистер Гаддам, вы можете не искать причины моего ухода. Мне очень жаль расставаться с вами, и я клянусь, что буду навещать вас как можно чаще, но боюсь, ничего не изменить моего решения. Видите ли, я хочу... писать сам.

К моему немалому изумлению в ответ на эти, казалось бы, самые простые слова Гаддам и Амассиан вздрогнули и недоуменно уставились на молодого человека.

– Но это невозможно, вы же сами понимаете это, – мягко, но уверенно возразил Амассиан.

– Господа, вы читали мои последние рассказы? – глаза Радова лукаво вспыхнули, – можете мне поверить, я написал их сам, совсем сам, и – как ни странно – за пределами этого здания!

Я насторожился: я еще не понимал, к чему клонит этот человек, но чувствовал, что это касается не только Радова, а нас всех... и потому дальнейший разговор был мне и вовсе непонятен.

– И где же вы их написали? – игриво усмехнулся Гаддам, – в саду этого дома? На крыльце?

– У себя дома на другом конце города в десяти километрах отсюда, – вызывающе отпартовал Радов.

– Вы... вы уверены? – Гаддам резко побледнел.

– Не может быть, – прошептал Амассиан, – такого не бывает. Никто не может самостоятельно написать что-то новое, в лучшем случае мы пишем продолжение к уже известным романам Родуэлла.

– И, тем не менее мне удалось то, чего не удавалось еще никому, – ответил Радов.

– Вы уверены, сэр? Клянусь вам, здесь кроется какая-то ошибка, – окончательно возмутился Амассиан.

В ответ на это Радов только пожал плечами.

– Вы настаиваете на своем решении и не намерены менять его? – холодно-осуждающе осведомился Гаддам.

– Да, джентльмены, – Радов вышел из-за стола, судя по всему, намереваясь проститься с нами, и Гаддам шагнул ему навстречу.

– Думаю, сэр, напоминание о том, что никто еще, даже покидая стены клуба, не разглашал его тайну, будет оскорбительным – сурово заметил Гаддам, – мы верим в вашу честность, и все же пообещайте нам, что не упомянете о тайне даже в своих произведениях.

– Я клянусь... – Радов решительно поднял руку.

– Пообещайте, – с нажимом повторил Гаддам.

– Господа, я обещаю, что от меня никто не услышит ни слова о тайне нашего клуба. Я обещаю не использовать этот факт даже в своих произведениях... ни при каких обстоятельствах. Всего хорошего, джентльмены. До свидания.

Гаддам сдержанно, но твердо пожал руку юноши и сел на место. Амассиан долго тряс ладонь Радова, заглядывая ему в глаза, точно пытаясь узнать что-то очень и очень важное; я стиснул на прощание руку Радова и обнял его, желая успеха. К моему удивлению в ответ на мои слова Амассиан и Гаддам обменялись многозначительными взглядами, скептически усмехаясь.

Как только дверь за Радовым открылась, Амассиан вскочил со стула и буквально забегал по комнате, вопросительно поглядывая на нас:

– Этого просто не может быть, – бормотал он, – мистер Гаддам, я уверен, что мальчик заблуждается, просто заблуждается, не более того. Не может быть. Не может быть... Родуэлл в таком случае должен был сказать мне... – встретившись со мною взглядом, Амассиан испуганно осекся и замолчал.

– Довольно, сэр, – Гаддам предупредительно вытянул ладонь, – судьба Радова не волнует меня больше, мальчик сам вправе распоряжаться ею так, как считает нужным... Вы лучше расскажите нам что-нибудь, дорогой Амассиан. Чем вы занимаетесь сейчас?

– Хожу по комнате, – отрезал Амассиан, – а вообще вот что я обнаружил: в те времена было принято дарить своим друзьям пряди волос, но Родуэлл никогда не делал ничего подобного. Более того, он тщательно сжигал состриженные волосы. Странное суеверие, не находите?

– Вы что же, хотели бы заполучить волосы Родуэлла? – догадался я.

– Именно так, но дело здесь не в самих волосах мистера Родуэлла, – Амассиан нервно погрозил кому-то пальцем, – как генетика, меня интересует то, что содержится в этих несуществующих волосах, то есть гены гениальнейшего из писателей.

– Хотите исследовать их? – безо всякой интонации спросил Гаддам.

– Верно, – отозвался Амассиан, – но как назло, от мистера Родуэлла не осталось никакой генетической информации: ни волос, ни останков, ни малейшего намека на отмершие клеточки где-нибудь на воротнике белоснежной рубашки или пижамного костюма...

– Я, конечно же, плохо разбираюсь в генетике, но по-моему на личных вещах Родуэлла не могло не остаться отпечатков его пальцев, – вставил я, – а вещи мистера Родуэлла лежат вокруг нас в изобилии... что с вами?

Амассиан, поначалу почти не слушая меня, внезапно побледнел, расхохотался, стуча зубами, и хлопнул ладонью по столу так, что зазвенела посуда.

– Лет пять назад за такие слова вас подняли бы на смех, мистер Кендалл, – отсмеявшись, признался он наконец, – но сейчас между нашим сознанием, нашими генами и отпечатками пальцев открыта не только прямая, но и обратная связь: действительно, получив в свое распоряжение отпечатки пальцев человека, можно с точностью до атома воспроизвести его гены и его сознание, – внезапно он вскочил с места и простер над столом жилистые руки: – не прикасайтесь ни к чему, господа! Не вздумайте стирать ценнейшую информацию!

Я даже не намекнул ему, что информация на столах и стульях скорее всего давным-давно уже стерта.

– Мы победили, дорогой мой мистер Родуэлл, – он протянул руки к портрету, – мы победили, – Амассиан резко повернулся ко мне, – мистер Кендалл, вы подали мне гениальнейшую идею, вы... вы просто спасли нас всех, мистер Кендалл, если быть откровенными... Сэр?

Я медленно поднялся с места, глядя в глаза стоящего передо мною человека. Давно созревший в моей душе вопрос в любой момент готов был выхлестнуться наружу, и когда Амассиан заговорил об откровенности, я решил, что этот момент настал.

– Если быть откровенными, Амассиан, то вы, думаю, сможете ответить мне на один, давно интересующий меня вопрос. Может, он покажется вам нелепым... За время моего пребывания в клубе я пережил уже немало удивительного, чтобы сомневаться в своих подозрениях: мистер Амассиан, как вы объясните тот факт, что столь необходимое писателю вдохновение окрыляет меня под сводами этого здания и только здесь и нигде больше? Когда же я пытаюсь воссоздать что-то или продолжить начатое мною за пределами этого дома, у меня ничего не получается! Даже при полной ясности мыслей и на свежую голову. Сегодняшний разговор с Радовым только больше насторожил меня. Итак, мистер Амассиан, итак, мистер Гадам, я жду ваших объяснений.

Неожиданно для меня Амассиан не только не возражал мне, но и напротив, понимающе кивал, словно говоря: «Так, так, мистер Кендалл, я знаю, что вы скажете дальше, я уже знаю все это». Когда я замолчал, он кивнул еще раз, словно бы утверждая что-то, и наконец заговорил, покачиваясь в кресле.

– Мистер Кендалл, сколько вы уже скрашиваете наши вечера своим присутствием? Три месяца, не так ли? Что же, согласитесь, это уже немалый срок. Я рад, что вы так легко подметили нашу тайну. Но учтите – этот секрет не должен выходить за пределы клуба. Заранее сообщу также, что после того, как вам откроется этот секрет, вы сами вправе решить, подобно Радову, согласны ли вы дальше сотрудничать с нами или собираетесь покинуть наш клуб.

Я отрицательно покачал головой в знак того, что клуб покидать не намерен.

– Сперва попрошу вас выслушать меня. А после вы уже и сами почувствуете, так ли непоколебимо ваше решение, – предупредил Амассиан, – итак, мистер Кендалл, хотите вы или нет, но я вновь должен вернуться к биографии любимого нами Родуэлла.

Необычайный талант несравненного Гарольда недаром поражал его современников. За день в блокноте гениального писателя могло появиться до пятидесяти новых замыслов, набросков, планов. Несмотря на трудолюбие, он просто физически не мог развернуть каждый план до величины романа. Кто и когда подал Родуэллу отличную мысль – нанимать себе помощников – до сих пор остается загадкой, но лично я уверен, что эта идея принадлежала ни кому иному, как самому Родуэллу. Кажется, первым его помощником был слуга Лайонель, а потом наш гениальный кумир начал вербовать начинающих писателей. Вы, наверное, слышали об этом, господа?

– Да, я читал об этом, – согласился я.

– Однако, там писали не все, далеко не все, – Амассиан снова чуть угрожающе поднял палец, – людей поражало, с какой легкостью Родуэлл мог передать незнакомому человеку сложный замысел, до которого иной фантаст мог додумываться годами.

Но было странно и другое: никто, даже самый внимательный литературовед не мог отличить романа, написанного Родуэллом от романа, созданного кем-то из его помощников – впечатление создавалось такое, что книги писал один и тот же человек. Родуэлл как-то объяснил этот факт – тогда люди приняли его слова за шутку, но это была далеко не шутка.

Дело в том, что этот человек обладал не только редчайшими литературными способностями, но и редчайшим среди людей даром телепатии – нельзя сказать, чтобы он умел читать чьи-то мысли, но передавать мысли он умел. Да-да, мой дорогой мистер Кендалл, вы не ослышались, и теперь вы понимаете, каким образом Родуэлл и его помощники писали книги. Судя по всему, Гарольд мог одновременно обдумывать сюжеты многих и многих романов, подчиня своей воле десятки писателей. Но самое интересное, что после смерти Родуэлла в его доме – особенно в комнатах, где он работал – от писателя осталось ЧТО-ТО: вы можете называть это душой, но я не верю ни в какие души, скорее вспоминая об электромагнитных полях, неких флюидах, которые хранят мысли писателя и что самое главное, передают их людям, входившим в комнату...

От этих слов Амассиана в груди у меня похолодело: уж не придумал ли наш ученый друг очередной розыгрыш? Очень похоже...

– Разумеется, не все могли слышать мысли писателя, – продолжал Амассиан, – таких было немного, оттого-то мы, посвященные, и устраиваем новичкам жесточайшие проверки.

– Вы знали Родуэлла лично? – спросил я.

Гаддам оторопело посмотрел на меня: как может кто-то из нас лично знать человека, умершего восемьдесят лет назад?

– Итак, Кендалл, надеюсь, вы не будете сомневаться в моей искренности: никто еще не принимал мои слова за красивую шутку.

– Я верю вам, джентльмены, потому что чувствую: это действительно так.

– Что же, Кендалл, в таком случае вам предстоит сделать окончательный выбор. Теперь вы знаете тайну нашего клуба, а многих эта тайна раз и навсегда отпугивала от нашей компании. Быть помощником Родуэлла – задача нелегкая, ведь порою фантом великого творца выжимает из тебя за работой все силы... итак, мистер Кендалл, что вы на это скажете?

Я давно ждал этого вопроса, потому что давно знал, что на него отвечу, и сейчас мне оставалось только подняться с места и сказать:

– Я согласен быть помощником Гарольда Родуэлла.

5

На этом мои воспоминания затихают, как морской прибой подле песчаного берега. Да и нечего больше вспоминать: годы творчества, пусть даже и не своего творчества, бескрайний мир фантазии величайшего писателя всех времен, бесчисленные гонорары и слава, к которой я был равнодушен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.